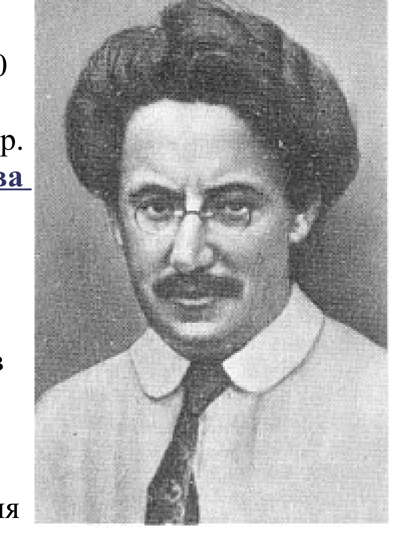
Для страницы – **http://ldn-knigi.lib.ru** (**http://ldn-knigi.narod.ru**) 06.2005

Дополнение к книге:

«Двенадцать смертников» - суд над Социалистами-Революционерами в Москве в 1922 г.
Карл Каутский «Введение», Вл. Войтинский «Суд над С. - Р. в Москве».
«...Борьба, которую ныне ведут социалисты-революционеры, есть только продолжение этой старой борьбы, ведь нет существенной разницы в том, является ли самодержавная власть наследственной или созданной вновь, властвует ли «законный» царь или клика случайно выдвинувшихся людей, родился ли тиран во дворце или он использовал, для того чтобы подняться в Кремль, рабочую и крестьянскую революцию...»
Издание Заграничной Делегации П. С. Р.
Берлин, 1922 г.

1. Гоц Абрам Рафаилович
2. Григорий Иванович Семенов
3. Евгения Ратнер

Источник: http://www.hrono.ru

Гоц Абрам Рафаилович (1882, Москва - 1940, Нижний Ингаш, Красноярский край) - **один из лидеров партии эсеров**, член ЦК. Ррд. в богатой купеческой семье. Окончил реальное уч-ще. В 1900 поступил на философский ф-т Берлинского ун-та, участвовал в заграничном эсеровском кружке вместе с **Н.Д.Авксентьевым** и др. С 1906 Гоц вошел в Боевую организацию, по словам **Б. Савинкова** "брался с одинаковой готовностью за всякую, самую неблагодарную террористическую работу". За подготовку покушения на полковника Римана в 1907 приговорен к 8 годам каторги, к-рую отбывал в Александровском централе. После Февральской рев. 1917 принял активное участие в рев. событиях в Иркутске и был избран в Петроградский совет как лидер фракции эсеров. Призывая "народы воюющих стран заставить свои правительства и свои государствующие классы отказаться от захватных стремлений; взять дело мира в свои руки", в то же время отвергал сепаратный мир и считал необходимым "приведение армии в полную боевую готовность", а также недопущение "внесения в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновения распоряжениям революционного правительства". Меньшевик **Н.Н. Суханов** писал о нем: "Гоц играл очень значительную роль в первые периоды революции... Гоц, несомненно, отличный техник, организатор, может быть, даже администратор. Но это никакой не политик. Ни малейших ресурсов вождя, никаких политических идей, исканий, самостоятельной мысли он решительно не обнаруживал". Будучи членом Президиума ВЦИК 1-го созыва, Гоц активно противодействовал большевикам, а после захвата ими власти вошел во Всеросс. "Комитет спасения родины и революции" и руководил восстанием юнкеров в Москве. Избранный членом Учредительного собрания, Гоц после его разгона участвовал в боевой работе эсеровской партии и занимался формированием вооруженных групп. В 1920 был арестован, мужественно вел себя на процессе эсеров в 1922 и был приговорен к смерти. По предложению Л.Б. Каменева ВЦИК утвердил приговор, но приведение его в исполнение было приостановлено и зависело от поведения эсеров, оставшихся на свободе. Только в 1924 казнь была заменена 5-летним заключением. Впоследствии Гоц неоднократно подвергался

репрессиям, обвиняясь в антисоветской деятельности. В 1939 был приговорен к 25 годам лишения свободы. **Умер в лагере**.
Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.

В революции 1917 года

Гоц Абрам Рафаилович (1882, Москва - 4 августа 1940, Нижний Ингаш, Красноярский край). Род. в богатой купеч. семье; внук известного чаеторговца ВЛ. Высоцкого: старший брат М.Р. Гоц - народоволец, затем один из основателей Партии социалистов-революционеров (ПСР). Окончил реальное уч-ще в Москве. В рев. движении с 1896, примыкал к Сев. Союзу эсеров. В 1900 поступил на филос. ф-т Берлинского ун-та; участвовал в Галле-Гейдельбергском кружке "молодых" эсеров (совм. с **НД. Авксентьевым**, И.И. Фондаминским, В.М. Зензиновым и др.). С весны 1906 чл.
Боевой орг-ции ПСР. **Б.В. Савинков** характеризовал Гоца того периода, как "правоверного социалиста-революционера", видевшего в терроре "высшую форму рев. борьбы" (Савинков Б.В., Избранное, Л., 1990, С. 169). В 1907 был арестован, судим и приговорён к 8 годам каторги, к-рую отбывал в Александровском централе. По выходе в "вольную команд" в Иркутске член группы т.н. "сиб. циммервальдовцев" (**И.Г. Церетели**, **Ф.И. Дан**, **В.С. Войтинский**, М.А. Веденяпин и др.). Руководил газ. "Сибирь". По словам **В.М. Чернова**, эта группа заявляла, "что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой" (Чернов В.М., Перед бурей, Нью-Йорк, 1953, с. 334).
После Февр. рев-ции 1917 участвовал в создании в Иркутске Комитета обществ, орг-ций, Совета РСД и Воен. орг-ции: лично арестовал ген-губернатора А.И. Пильца. Вернулся в Петроград 19 марта, избран 29 марта членом президиума Всерос. совещания Советов РСД (от эсеров); в тот же день введён в исполком Петрогр. Совета. 14 апреля избран в Бюро и в агр. отдел исполкома Совета. Во время Апр. кризиса участвовал в совещании деятелей Петрогр. Совета по поводу вхождения их во Врем. пр-во; настаивал на вхождении эсеров при условии участия с-д. в пр-ве. 28 апр. на заседании исполкома, Петрогр. Совета после отказа с.-д. от вхождения в пр-во голосовал против коалиции с министрами-капиталистами". 1 мая. после того как исполком Совета всё же принял решение об участии социалистов в коалиции, Гоц вошёл в состав комиссии для переговоров с пр-вом. При этом сам Гоц "и слышать не хотел вообще ни о каком министерском посте"; свой отказ он мотивировал евр. происхождением (там же, с. 315). По словам **Н.Н. Суханова**, Гоц входил в т.н. "звёздную палату", обсуждавшую и решавшую на частных межпарт. совещаниях осн. вопросы положения в стране. В Петрогр. Совете являлся лидером фракции эсеров. 12 мая исполком Совета утвердил Гоца членом редколлегии "Известий"; одноврем. был членом редколлегии органа ПК ПСР - газ. "Дело Народа". 18 мая Всерос. съезд Советов КД избрал Гоца в Исполком Всерос. Совета КД. С 22 мая тов. пред. Петроградского Совета РСД.
На открывшемся 25 мая 3-м съезде ПСР избран тов. пред. съезда; 27 мая выступил с докладом "О войне". 1 июня съезд принял резолюцию Гоца: "Мы призываем народы воюющих стран заставить свои пр-ва и свои господствующие классы отказаться от захватных стремлений: взять дело мира в свои руки... мы заявляем, что рус. народу, широким массам рабочих и крест-ва, империалистич. цели войны чужды и что рус. демократия не желала и не желает никаких захватов" ("Протоколы 3-го- съезда ПСР", П., 1917, с. 477); резолюция требовала, "чтобы Врем. Рев. Пр-во приняло все меры к пересмотру и ликвидации тайных договоров, заключённых царским пр-вом"; далее говорилось, что съезд "категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие, как в корне противоречащие методам интернац. действий", считает "недопустимым внесение в армию демагогич. проповеди отказа от всякого движения вперёд из окопов и неповиновение распоряжениям рев. пр-ва" и находит "необходимым... приведение армии в полную боевую готовность и создание из неё силы,

способной к активным операциям во имя осуществления задач рус. рев-ции и её междунар. политики" (там же, с. 477-78); при выборах в ЦК ПСР Гоц набрал наиб. число голосов.
3 июня был избран в Президиум 1-го Всерос. съезда Советов РСД. В ходе Июньского кризиса 11 июня на объединённом заседании представителей парт. фракций съезда Советов с Президиумом съезда и членами исполкома Петрогр, Совета Гоц солидаризировался с предложением **И.Г. Церетели** о необходимости разоружения воинских частей, поддерживающих большевиков, предложил вызвать сводный отряд с фронта в распоряжение ВЦИК. С 24 июня чл. Президиума ВЦИК 1-го созыва. Во время Июльских событий в ночь с 3 на 4 июля на объединённом заседании ВЦИК Советов РСД и Исполкома Всерос. Совета КД была принята резолюция **Ю.О. Мартова** и Гоца, осуждавшая вооруж. демонстрацию, с призывом ждать решения полномочного органа демократии по поводу кризиса власти" ("Рев-ция 1917", т. 3, с. 138, 316). 5 июля вошёл в комиссию по восстановлению порядка в столице." Во время выступления ген. **Л.Г. Корнилова** в ночь с 27 на 28 авг. в составе делегации ВЦИК вёл переговоры с **А.Ф. Керенским** об орг-ции власти ("Рев-ция 1917", т. 4, с. 104-05). Гоц был чл. комиссии ВЦИК, расследовавшей дело по обвинению **Л.Б. Каменева** в сотрудничестве с охранным отделением: 30 авг. Президиум ВЦИК постановил довести до всеобщего сведения заключение комиссии о несостоятельности этого обвинения. В авг. 7-й Совет ПСР включил Гоца в список обязательных канд. в члены Учред. Собр. Входил также в комиссию ЦК по Учред. Собр. После принятия Петрогр. Советом большевист. резолюции "О власти" Гоц 6 сент. вместе с др. членами Президиума Петрогр. Совета сложил свои полномочия. Накануне Демокр. совещания, 12 сент., Гоц, Зензинов и **Авксентьев** встречались с Керенским для обсуждения вопроса о коалиции с цензовыми элементами. В связи с началом работы Демокр. совещания Авксентьев и Гоц потребовали созыва экстренного заседания ЦК ПСР для обсуждения вопроса о том, какую позицию должны занять на совещании эсеры относительно коалиции с кадетами; сами они на заседание не явились, а голосовали на собрании фракции ПСР Демокр. совещания за коалицию. 17 сент. М.А. Веденяпин заявил протест против нарушения Авксентьевым и Гоцем парт. дисциплины. По словам Чернова, "открытое присоединение" Гоца ("коренного "центровика"") к правому крылу "было парт. сенсацией" (Чернов В.М., указ. соч., с. 344). 21 сент. Гоц участвовал в совещании полит, деятелей с **А.Ф. Керенским**, на к-ром шла речь о коалиц. кабинете и о создании Врем. Совета Рос. Республики - Предпарламента, при образовании к-рого Гоц вошёл в его состав. Приняв участие в совм. заседании Врем. пр-ва с представителями Демокр. совещания и членами кадетского ЦК, Гоц высказался за выработку программы соглашения на основе Декларации рев. демократии, оглашенной на Гос. совещании 14 авг. На первом заседании Предпарламента был избран в его Президиум.
Гоц принадлежал к той части ПСР, к-рая оказывала активное противодействие большевикам. 22 окт. участвовал в совещании у командующего Петрогр. ВО Г.П. Полковникова с представителями ВЦИК. Вечером 24 окт. Ф.И. Дан, **Н.Д. Авксентьев** и Гоц доставили Керенскому "формулу" Предпарламента о необходимости принятия неотложных мер для пресечения вооруж. выступления, в т.ч. немедленное издание декрета о передаче земли в ведение зем. к-тов, предложение союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. В ночь с 24 на 25 окт. участвовал в совместном экстренном заседании ВЦИК и Исполкома Всерос. Совета КД, осудившем захват власти большевиками. 25 окт. вошёл во Всерос. К-т спасения Родины и Революции. 28 окт. участвовал в совещании воен. комиссий к-та и ЦК ПСР. на к-ром был разработан план восстания. В качестве пред. к-та руководил выступлением юнкеров, начавшимся в ночь на 29 окт. За подписью Гоца. пред. Врем. Совета Рос. Республики Авксентьева и др. рассылалась телеграмма, в к-рой предлагалось "оказать всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполнять приказы командующего "Армией спасения" Полковникова и арестовывать всех комиссаров т.н. ВРК... Всем воинским частям, опомнившимся от большевист. авантюры и желающим послужить делу рев-ции и свободы, приказывается немедленно стягиваться в Николаевское инженерное уч-ще и Инженерный замок. Всякое промедление будет рассматриваться как измена рев-ции и повлечёт за собой

принятие самых решит. мер" (Тев-ция 1917", т. 6, с. 24). Впоследствии выяснилось, что подпись Гоца была поставлена секретарём К-та спасения Родины и Рев-ции М. Броуном без согласования с Гоцем Прибыв в Гатчину, Гоц встретился с Керенским; 31 окт. из Гатчинского дворца была отправлена во все армии телеграмма: "Врем. Совет Рос. Республики, Всерос. К-т спасения Родины и Рев-ции, ЦИК Советов, РСКД призывают действующую армию немедленно прислать войска, хотя бы по одному пех. полку от ближайших армий и возможно срочно, самыми действенными средствами, не останавливаясь ни перед чем; курьерскими поездами доставить эшелоны в Лугу и Гатчину. Вся тяжесть ответственности за промедление падает на промедляющих. № 174. **Керенский**, **Авксентьев**, Гоц, Войтинский, Станкевич, Семенов" ("Рев-ция 1917", т. 6, с. 37). В ответ Петрогр. ВРК принял решение об аресте Гоца После неудачи антибольшевист. выступления Гоц выехал в Ставку. 6 нояб. Исполком Всерос. Совета КД постановил протестовать против приказа об аресте Гоца. Как член Исполкома Гоц требовал перенесения Чрезв. съезда КД в Могилёв. 9 нояб. в разговоре по прямому проводу из Ставки с членами ВЦИК 1-го созыва Гоц и Чернов отмечали: "...несомненно стране придется пережить некоторое время состояние развала, пока не создастся противовес большевистской авантюре в отрезвевших и сплотившихся демократических кругах" ("Рев-ция 1917", т. 6, с. 109). В то,т же день частное совещание делегатов Всерос. Крест, съезда постановило ходатайствовать о гарантии неприкосновенности Г,, чтобы дать ему возможность прибыть для отчёта на съезд. Но ВРК подтвердил в "Известиях" приказ об аресте Гоца 13 нояб. Гоц выступил с докладом на собрании представителей комсостава 1-го ударного полка, после чего была принята платформа Общеарм. к-та при Ставке о непризнании СНК. Планы создания соц. пр-ва во главе с **Черновым**, к-рые разрабатывались Общеарм. к-том в Могилёве, саботировались Гоцем, предпочитавшим пр-во под рук. **Авксентьева**. Гоц был избран членом Учред. Собр. (от Пензенского избират. окр.). В работе 4-го съезда ПСР не участвовал, но послал приветствие съезду, оглашенное 26 нояб.: избран чл. ЦК ПСР. Прибыв в Петроград, 18 дек. был арестован. 19 дек. по распоряжению наркома юстиции левого эсера И.З. Штейнберга его освободили.

После разгона Учред. Собр. активно участвовал в боевой работе ПСР. Весной 1918 вошёл в воен. штаб "Союза Возрождения" в Петрограде. Занимался формированием вооруж. групп и переброской их на "Волжский фронт". На территорию Комуча попасть ему не удалось; выехал в Пензу, затем на Юг, в Одессу. В Южнорус. бюро ЦК ПСР стоял на позициях "борьбы на два фронта": с большевиками и "белым движением". В февр. 1919 на парт. конференции в Одессе заявил, что ПСР могла бы санкционировать вмешательство в рус. дела иностр. держав, но "только в том случае, если бы это вмешательство осуществлялось при наличии тесного общения рус. демократии с демократией Запада" ("Минувшее". Ист. альманах, в. 2, М., 1990, с. 43-44). В 1920 арестован, в 1922 Верх. Ревтрибуналом приговорён к смертной казни, замененной в 1924 5-летним заключением. Затем неоднократно подвергался репрессиям по обвинению в антисов. деятельности. 20 июня 1939 Воен. коллегией Верх. суда СССР осужден к 25 годам "лишения свободы, **умер в Краслаге**.

Использованы материалы статьи Я.В.Леонтьева и М.Янсена в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993

Литература:

Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 г. Документы из архива П.С-Р., Амстердам, 1989;

Суханов Н.Н., Записки о революции, кн. 1-7, Берлин - М-- П., 1922-1923;

Церетели И.Г., Воспоминания о Февр. рев-ции, кн. 1-2, Париж, 1963;

Вишняк И.В., Дань прошлому, Нью-Йорк, 1954.

Леонтьев Я.В.,Янсен М. Гоц А.Р.//Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993;

http://ng.ru/ever/2000-03-31/14_semenov1.html

ЧЕЛОВЕК РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Судьба эсера-террориста

Сергей Журавлев

Об авторе: Журавлев Сергей Владимирович - кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института российской истории РАН.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

УРОЖЕНЕЦ г. Юрьева (Тарту), Григорий Иванович Семенов (1894-1937) числил свое участие в революционном движении с 1904 года. Документально зафиксировано, что уже в 1905 г. 14-летним парнишкой он исполняет технические поручения взрослых, а с 1906 г. включается в самостоятельную работу парторганизатора и военного работника1. Тогда же, в 1906 г., он официально вступил в группу анархистов-коммунистов, с которыми затем был связан вплоть до 1912 г. На эти 7 бурных лет жизни в анархистской среде, привлекавшей особой романтикой, пришлось по сути становление характера, жизненных установок, идейных взглядов и моральных принципов подростка и юноши Г.И. Семенова.

Он родился и вырос в необычной семье, где все пятеро детей с детства пошли по стопам отца, привлекавшегося еще по делу Петрашевского2, и стали революционерами. Трагично сложилась судьба сестер Семенова, буквально сгоревших за дело революции. По его словам, одна из них умерла в тюрьме, другая же после освобождения из тюрьмы покончила жизнь самоубийством3. Такая трагедия не могла, конечно, пройти бесследно для впечатлительного юноши. Однако наибольшее влияние, по его собственному признанию, оказали на подростка Г.И. Семенова старшие братья, оба бывшие в молодости анархистами, но успевшие получить неплохое образование за границей и эмигрировавшие во Францию под угрозой ареста после первой революции4. Старшие братья, собственно, и ввели с ранних лет Г.И. Семенова в анархистскую среду. Анархисты научили его конспирации и "науке террора", так что даже в анкетной графе "специальность" он в мирные 1920-е гг. писал: "электротехник, знаком с приготовлением взрывчатых веществ и снарядов"5.

В 1907 г., в 16 лет, началось и освоение "тюремной науки": Семенова арестовали за участие в революционной организации и через 10 месяцев содержания в тюрьме выслали как малолетку из пределов Прибалтийского края. Однако он не только не порвал с революционными идеями, но вскоре, в 1908 г., был арестован вновь, на этот раз за куда более серьезные дела, чем агитация. Семенов принимал непосредственное участие в организации дерзкого освобождения смертников-революционеров из Рижского централа, но был схвачен и сам просидел в этом централе около года, после чего получил 2 года ссылки в Архангельскую губернию6.

"Северный университет" революционной ссылки (в 1909-1911 гг.) стал, по-видимому, важным этапом в революционном взрослении молодого боевика-анархиста. Здесь он близко познакомился со ссыльными, принадлежащими к разным партиям и течениям, о многих из которых в революционной среде ходили легенды. В условиях ссылки их объединяло и сближало то, что все они были революционерами и все боролись против царизма. Семенов внимательно прислушивался к бурным дискуссиям и спорам о формах и методах революционной работы, о будущем России, в которых аргументы эсеров нередко казались ему наиболее убедительными. Однако тянулся он все же не к велеречивым теоретикам, а к бесстрашным революционерам-практикам вроде ссыльного большевика Авеля Енукидзе, за которым числился не один удачный побег и экс7. Именно установление факта этого случайного, вынужденного по условиям архангельской ссылки знакомства с Енукидзе в последующем многое объяснит и сыграет исключительно важную роль в судьбе Семенова.

В начале 1912 г., вернувшись из ссылки в родной Юрьев, он вновь был арестован, но через несколько недель выпущен на свободу. Убедившись, что полиция в покое его не оставит, Семенов решил по стопам братьев эмигрировать за границу. Выбор пал на Францию, где они

- дипломированные специалисты в области электротехники - уже обосновались и нашли работу. Здесь Семенов прожил до 1915 г., бывая в России лишь наездами.
Во Франции он сблизился с эсерами. В 1912 г. последовал окончательный разрыв с анархистами и переход Семенова в стан партии эсеров, знаменовавший следующий этап его революционной биографии. В анкетах он писал, что в 1912-1921 гг. состоял членом партии эсеров, в том числе в 1919 - декабре 1920 гг. был членом меньшинства партии8.
В анкетах от 1922, 1924 и 1937 гг. Семенов указал, что в 1912-1915 гг. проживал в основном во Франции, работал электромонтером на разных электротехнических фирмах Марселя и Ниццы. Несомненно, устроиться на работу Г.И. Семенову помогли уже крепко обосновавшиеся здесь старшие братья. В дальнейшем жизнь сложилась так, что они - бывшие в молодости активными революционерами, "заразившими" младшего брата анархизмом, сами попав за границу, постепенно отошли от борьбы, обросли семьями и в Россию больше никогда не возвращались ни до, ни после революции 1917 г. Наличие за границей близких родственников, полностью "вписавшихся" в "буржуазный" уклад жизни и не желающих возвращаться на социалистическую родину, стало впоследствии, особенно в 1930-е гг., постоянной проблемой при прохождении Г.И. Семеновым партийных чисток, перерегистраций, рассмотрении его персональных дел. Трудно сказать, насколько искренними были его объяснения о безусловном осуждении старших братьев и полном отсутствии контактов с ними9.
В 1915 г., в отличие от старших братьев, Семенов возвращается в Россию и тут же призывается в армию. Служил он по специальности в Прибалтике - в электротехническом запасном батальоне инструктором по обслуживанию станций высокого напряжения.
Февральскую революцию 1917 г. Семенов встретил в Риге, став одним из организаторов Совета солдатских депутатов расположенной здесь 12-й армии и товарищем (заместителем) председателя исполкома местного Совета. Далее следует переезд в революционный Петроград.
Революционная волна неожиданно взметнула его высоко наверх. Как часто бывало в России в "смутные времена", особенно велика здесь была роль случая. Мало кому известный солдатский делегат 1-го Всероссийского совещания Советов, 25-летний ротмистр Семенов почти в одночасье стал в апреле 1917 г. не только членом бюро исполкома Петросовета, но и руководителем его ключевой - фронтовой коллегии. В "колыбели революции" заметно меняется круг общения Семенова, быстро вошедшего в состав разнопартийной революционной "элиты" новой демократической России. Это была уникальная, до сих пор малоизученная общность людей разной партийной принадлежности, практически "делавших революцию", а потому, несмотря на споры до хрипоты, объединенных и опьяненных этой реальной смертельно опасной работой.
Именно в этот период, от февраля к октябрю 1917 г., на почве совместной работы в Петрограде Семенов знакомится или возобновляет прежнее общение со многими видными большевиками. В том числе с Н.Н. Крестинским и уже знакомым ему по ссылке А.С. Енукидзе, тоже избранным в 1917 г. членом исполкома Петросовета. Нужно заметить, что молодой эсер Семенов вовсе не "потерялся" среди известных имен, а его кипучей энергии могли бы позавидовать многие. С июня по октябрь 1917 г. он успевает, кажется, всюду: в Петрограде избирается делегатом 1-го и 2-го съездов Советов и Демократического совещания, работает во фракциях партии эсеров в Ромнах и Яссах, куда назначается комиссаром 9-й армии, комиссаром 3-го конного корпуса и помощником комиссара Румынского фронта.
После октября 1917 г. Г.И. Семенов - член Петроградского комитета и ЦК партии эсеров, руководитель Петроградской военной организации партии, член военной комиссии при ЦК ПСР. В этот период он не только принципиально разошелся с большевиками, но и выступил в числе наиболее активных сторонников идеи физического устранения лидеров большевизма. "Постепенно я приходил к выводу, что террор по отношению к советскому правительству допустим и целесообразен. - Я был убежден, что коммунисты, захватив власть

насильственно, правят против воли народа; я был убежден, что они губят дело революции, объективно являются врагами революции, поэтому я считал, что все способы борьбы против них допустимы. Думал, что террористические акты на вождей советской власти подорвут советское правительство, ускорят переворот..."10, - рассказывал Семенов позднее. В мае 1918 г. по предложению Семенова - в то время руководителя боевой организации эсеров в Петрограде - при ЦК ПСР был организован т.н. "центральный боевой отряд" в количестве около 15 человек с целью проведения террористических актов против большевистских вождей, в первую очередь - Ленина и Троцкого. Отряд поручили возглавить Семенову. Первой его жертвой пал нарком по делам печати В.Володарский, убитый эсерами 20 июня 1918 г. Следующей мишенью был избран Ленин.

ТАЙНА ПОКУШЕНИЯ НА В.И. ЛЕНИНА

Из учебников любому школьнику известны основные обстоятельства покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г., когда у завода Михельсона эсерка Каплан несколько раз стреляла и серьезно ранила вождя мирового пролетариата. Схваченную на месте непосредственную исполнительницу теракта - Фани Каплан вскоре расстреляли. Что же ожидало Г.И. Семенова, по официальной версии, появившейся в 1922 г., руководившего группой эсеров-боевиков, осуществивших это покушение на Ленина? В 1922 г. на следствии по процессу ЦК партии эсеров, на котором впервые детально расследовался факт покушения, арестованный эсер Семенов вел себя, на первый взгляд, исключительно безрассудно: чтобы ни у кого не осталось ни тени сомнения в собственной причастности к покушению, как бы напрашиваясь на расстрельный приговор, он утверждал, что Ф.Каплан стреляла из револьвера, который он ей передал лично в руки9. Что это, шокирующая подробностями игра ва-банк бесстрашного революционера - ярого противника Советской власти, которому уже нечего терять и потому поставившего своей целью бравировать на открытом процессе, либо что-то иное?
Внимательное изучение материалов процесса 1922 г., в котором Семенов старательно топил себя, а заодно и руководство партии эсеров, не может не натолкнуть на мысль: ему заранее были даны твердые гарантии, что с ним не поступят, как с Каплан. Второй очевидный вывод, следующий из изучения источников: разгадка покушения на Ленина в 1918 г. связана с тайной подготовки процесса над эсерами 1922 г., и в обоих этих событиях - одно и то же главное действующее лицо - Г.И. Семенов. Случайно ли такое совпадение и может ли документальная реконструкция его биографии пролить свет на эти тайны первых лет Советской власти, над которыми уже которое десятилетие бьются историки?
В последнее время, особенно после выхода в свет известной книги Д.А. Волкогонова "Ленин. Политический портрет" (В 2-х кн. М.,1994), дискуссия об обстоятельствах покушения на В.И. Ленина вспыхнула с новой силой. Выдвигаются, как правило, три дополнительные версии, рассмотренные Волкогоновым: 1) никакого покушения вообще не было, оно было инсценировкой большевиков; 2) в Ленина стреляла не Каплан; 3) покушение было подготовлено не эсерами, а инспирировано ВЧК как повод для развязывания "красного террора"10.
Показательно, с какой готовностью Д.А. Волкогонов воспринял первую версию, ссылаясь на статью публициста О.Васильева "Покушение на Ленина было инсценировкой" в "Независимой газете" 29 августа 1992 г. Главное "открытие" Васильева заключалось в том, что Ленин якобы заранее сговорился со Свердловым о покушении, чтобы получить повод для развязывания "красного террора". В результате этой провокации, сравнимой разве что с поджогом фашистами Рейхстага, Ленин - симулянт - вовсе не был ранен, т.к. Каплан стреляла холостыми патронами. Подобную версию при полном отсутствии документального обоснования Д.А. Волкогонов посчитал имеющей право на существование. В частности, со ссылкой на собственные изыскания и упомянутую статью Васильева в "Независимой газете" он делает вывод: "не исключено, что "выстрелы Фани Каплан" являются одной из крупных мистификаций большевиков".

С этим, правда, никак не сходится известный факт существования в конце 1917-1918 гг. боевой группы эсеров во главе с Семеновым, ставившей целью устранить Ленина и готовившей покушение на него. А быть может, и боевая группа эсеров - тоже вымысел? Как здесь разобраться? Во многом ключевая для разгадки тайны покушения личность самого Г.И. Семенова все время по непонятным причинам оставалась в тени и не изучалась историками. Обильно цитирующий ставшие ему доступными после распада СССР секретные источники Д.А. Волкогонов, например, применительно к началу 1920-х гг. без тени сомнения называл Семенова "эсеровским боевиком-террористом"11, даже не подозревая, как далек он был на самом деле от истины.
Неожиданности поджидают исследователя биографии Семенова практически с первых шагов. На самом деле, как нам удалось установить на основании архивных документов, к 1922 г. - то есть к началу процесса над эсерами, - Семенов уже являлся штатным сотрудником Разведывательного управления Штаба РККА и членом РКП(б). Как, когда и почему произошло "чудесное превращение" ярого эсера - антибольшевика в советского разведчика и что нового способны дать эти факты для разгадки покушения на Ленина и истории эсеровского процесса 1922 г.?
Д.А. Волкогонов, как и долгие годы другие историки, вовсе не случайно был введен в заблуждение. "Оборотень революции", "чужой среди своих и свой среди чужих", Семенов намеренно запутывал следы, а в тайны его истинной послереволюционной роли был посвящен узкий круг людей, давно ушедших в мир иной. Поэтому для биографической реконструкции в современных условиях оставался единственный путь - работа в архивах, разыскивание по крупицам и перепроверка любых данных о Семенове.
Судя по всему, процесс его "обращения" из эсера-террориста в сторонника Советской власти начался в конце 1918-го - начале 1919 г., вскоре после покушения на Ленина. 3 сентября 1918 г., после непродолжительного следствия, была расстреляна так и не выдавшая сообщников Фани Каплан. Семенов, однако, об этом знать не мог. По архивным документам удалось установить, что в сентябре 1918 г. военный контроль - контрразведка РККА тех лет - арестовал скрывавшегося Семенова за принадлежность к военной организации ПСР. Как позднее оказалось, задержание было во многом случайным, поскольку явных улик в отношении Семенова тогда еще не было. Сам же Семенов, по-видимому, думал совсем иначе. Поэтому по пути в караульное помещение задержанный предпринял дерзкую попытку бегства, ранив при этом двоих красноармейцев. Кровавая схватка закончилась неудачно для него, и Семенову оставалось ожидать сурового приговора12. Даже сам по себе факт отчаянной, сопряженной со смертельной опасностью, попытки бегства (конвоиры в тех условиях могли его запросто застрелить) - самое красноречивое свидетельство того, что Семенов - руководитель боевой организации ПСР - знал за собой такие прегрешения против Советской власти, что посчитал, что ему уже нечего терять, и решил бежать. Логично предположить, что организация покушения на Ленина могла быть одним из важных звеньев в этой цепи.
В тюрьме он содержался 9 месяцев, до весны 1919 г. Три года спустя, на процессе эсеров 1922 г., Семенов утверждал, что именно в тюрьме в конце 1918 г. у него в результате напряженного размышления произошел перелом во взглядах на Советскую власть. "В тюрьме я пробыл 9 месяцев. Все это время у меня происходил глубокий внутренний процесс, шла коренная переоценка. В результате мои политические взгляды изменились коренным образом. Я пришел к признанию революции революционно-социалистической, к признанию необходимости диктатуры пролетариата"13, - говорил Семенов.
Так ли просто все было на самом деле, как пытался он изобразить? В реальности, судя по архивным документам, процесс "переоценки ценностей" проходил куда как сложнее, да к тому же - и не без "участия" сотрудников военной контрразведки и ВЧК, пытавшихся склонить Семенова к сотрудничеству в обмен на жизнь и свободу14. Над ним дамокловым мечом висело не только подозрение в организации покушений на большевистских лидеров (правда, руководители эсеров официально от покушения открестились, и следствие никакими

серьезными доказательствами в отношении Семенова тогда не располагало), но и факт ранения конвоиров. Последнее, похоже, действительно вызывало у Семенова искреннее раскаяние. Забегая несколько вперед, отметим, что важным источником в этой связи может служить его анкета 1921 г., информация которой имеет косвенное отношение и к разгадке тайны покушения на Ленина. Здесь в графе "дополнительные сведения" Семенов добровольно указал факт ранения конвоиров: "Имею большое прошлое по борьбе с Советской властью. В 1918 г. в Москве при аресте оказал вооруженное сопротивление..."15 И - что удивительно - ровным счетом ни слова об организации покушения на Ленина или убийстве Володарского, тогда как, по логике вещей, если уж Семенов начал конкретизировать факты борьбы с Советской властью, то на первом месте должно было быть именно признание в подготовке покушения на Ленина. Вместе с тем нельзя не признать, что в самой первой фразе "имею большое прошлое по борьбе с Советской властью" могло на самом деле подразумеваться все что угодно.
Обратим особое внимание на обстоятельства появления данного документа. Указанная анкета не была из числа рядовых, а заполнялась Семеновым в начале 1921 г. на бланке, выданном в ЦК РКП(б) для вступления в ряды большевистской партии. Очевидно, что в подобных обстоятельствах для бывшего эсера-террориста Семенова любая неискренность, а тем более сокрытие участия в покушении на Ленина, грозила самыми серьезными последствиями. В связи с этим можно предположить одно из трех: либо, что маловероятно, Семенов продолжал скрывать от партии, в которую вступал, свое участие в покушении, играя в чрезвычайно опасную игру; либо Семенову заранее запретили в ЦК указывать на этот факт, делающий его анкету заведомо "непроходной", и посоветовали ограничиться общей фразой о "большом прошлом"; либо, что казалось более вероятным, к известному покушению на Ленина с участием Каплан Семенов никакого отношения просто не имел. Но в таком случае все его публичные разоблачительные показания 1922 г., что Каплан - член его группы и он лично дал ей оружие убийства - чистейшей воды вымысел и намеренный обман следствия. Так ли это, будет ясно из последующего повествования.

СТАНОВЛЕНИЕ РАЗВЕДЧИКА

Но вернемся к началу 1919 г. Находясь уже много месяцев в тюрьме, Семенов не сдавался на уговоры о сотрудничестве. Он даже провел семидневную голодовку протеста, готовясь к самому худшему. После чего наступило самое неожиданное. "Меня взял на поруки т. Енукидзе" с освобождением от суда и полным прекращением дела Верховным трибуналом, рассказывал Семенов позднее16. Хотя практика освобождения подследственных под поручительство видных деятелей большевистской партии действительно имела место, трудно себе представить, что в данных обстоятельствах и в отношении такого арестанта, как Семенов, секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе двигал исключительно революционный альтруизм, воспоминания о нескольких годах северной ссылки или о работе в 1917 г. в Петросовете. К тому же Семенов при задержании ранил двоих человек, совершив тем самым серьезное преступление. Для самого Семенова приезд А.С. Енукидзе в тюрьму и похожее на сон после 9-месячного заключения удивительное освобождение было полной неожиданностью, которая могла, казалось, свидетельствовать только об одном: об окончании эры "красного террора" и начале новой, более либеральной политики большевиков. Со всеми этими событиями совпала амнистия, объявленная Советской властью в феврале 1919 г. для тех эсеров, участвовавших в вооруженной борьбе с Советской властью, кто даст письменное обязательство отказаться от ее продолжения. Семенова же освобождали даже без письменного обязательства17, под личное поручительство Енукидзе. Это и сломало Семенова, приготовившегося к допросам и пыткам, но неожиданно оказавшегося морально беспомощным перед фактом освобождения и снисходительностью большевиков. Нежданная свобода в сочетании с иллюзией демократизации режима и трогательным вниманием

Енукидзе оказались беспроигрышным ходом. Семенов согласился сотрудничать с советскими спецслужбами.
Судя по анкете партийной переписи 1927 г., а также более поздним справкам партийных органов и советских спецслужб, уже с апреля 1919 г. только что выпущенный из заключения Г.И. Семенов начинает негласно сотрудничать с Разведывательным управлением Штаба РККА18, созданным в ноябре 1918 г. Правда, в справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР от 1957 г., составленной на основании архивов разведки, утверждается, что их сотрудник Г.И. Семенов в 1919-1921 гг. в основном "работал по линии ОГПУ"19. Очевидно, что разведчик Семенов не мог знать, по какому ведомству значится его задание, да и ВЧК с военной разведкой в то время столь тесно взаимодействовали, что нередко имели общую агентуру. К тому же ВЧК была преобразована в ГПУ только в феврале 1922 г., так что на ГПУ и тем более возникшее еще позднее ОГПУ (так в справке!) Семенов в 1919-1921 гг. работать формально никак не мог. Но не это главное. Важно подчеркнуть, что о ключевом для изучения его биографии факте работы Семенова на военную разведку, в том числе по заданиям ВЧК, в литературе даже не упоминается. Как говорилось выше, не подозревал об этом и Д.А. Волкогонов, перед которым в эксклюзивном порядке на волне перестройки открылись двери секретных архивов партии и спецслужб.
Сотрудничество с военной разведкой и ВЧК было тщательно скрытой от посторонних глаз стороной деятельности Семенова. Официально для эсеров он продолжал оставаться "своим" - членом "меньшинства" партии социалистов-революционеров20. Более того, известно, что летом и осенью 1919 г. он, уже будучи сотрудником разведки, дважды арестовывался ВЧК, каждый раз на несколько месяцев, неясно, правда, то ли намеренно (для создания необходимого алиби), то ли по недоразумению. При этом характерно, что никаких следственных документов об арестах Семенова в 1918-1919 гг., по утверждению сотрудников ЦА ФСБ РФ, в архивах не сохранилось.
Подчиняясь решению руководства своей партии "меньшинства" социалистов-революционеров, в октябре 1919 г. секретный сотрудник Разведупра РККА Семенов уже официально был мобилизован в Красную Армию на Южный фронт борьбы с "белыми", а затем в июле 1920 г. откомандирован в распоряжение Реввоенсовета Западного фронта. Он использовался командованием РККА в основном на закордонной работе в военных кругах белой эмиграции, строившей планы вооруженного свержения большевистской власти21. В 1920 г. Семенов был арестован польскими властями, сидел в тюрьме, но в конце 1920 г. все же сумел вернуться в Россию22.
Поскольку членство в партии, скомпрометировавшей себя связью с большевиками и сражавшейся на их стороне в гражданской войне, могло помешать секретной деятельности Семенова, в конце 1920 г. им был инспирирован разрыв с меньшинством ПСР. В январе 1921 г. бюллетень "Народ" - орган Центрального бюро меньшинства партии социалистов-революционеров - опубликовал следующее постановление ее Центрального бюро от 26 декабря 1920 г.: "Мобилизованный в порядке партийной мобилизации на Польский фронт Григорий Иванович Семенов-Васильев за неисполнение возложенных на него поручений и нарушение партийной этики исключается навсегда из рядов меньшинства партии социалистов-революционеров"23.
Впрочем, для разрыва с этой партией у Семенова были и другие причины. К концу 1920 г. организации меньшинства ПСР находились в состоянии смертельной агонии. Ее лидеры на страницах партийной печати честно признавались, что массы не просто "путают нас с коммунистами", но и относят "якобы к подголоскам РКП". Кроме того, численно организация таяла на глазах. В условиях жесткого гласного и негласного прессинга со стороны большевиков многие эсеры, как крысы с тонущего корабля, перебегали в РКП(б), спасаясь от арестов и подозрений. Другие фактически отошли от партии и окунулись в "тихую советскую работу". Выявилась и другая тенденция, о которой писал в январе 1921 г. эсеровский бюллетень "Народ": "Еще безотрадней чувствуешь себя, когда узнаешь, что такой-то и такой-то попали в ЧК, но в ЧК попали не для того, чтобы занять одни из нар многочисленных

тюрем и хотя и беспринципно, но мужественно умирать медленной смертью, а для того, чтобы заведовать розыском социалистов-революционеров. Что это: измена, предательство? Нет, это не то. Для этого еще не изобретено названия"24.

Семенов оказался для советской разведки уникальным приобретением. Внутри страны и на закордонной работе он успешно использует репутацию непримиримого борца с большевиками, как и старые связи в кругах эсеров и анархистов. Его считали человеком решительным, многие надеялись именно на его помощь, связи в России и опыт боевика. Как видно из материалов фонда Ф.Э. Дзержинского в РГАСПИ, "первый чекист" был в курсе дел и высоко ценил работу Семенова тех лет. Ему принадлежит, в частности, немалая заслуга в пресечении активной деятельности "Русского политического комитета" и лично Б.В. Савинкова, с которым Семенов был знаком с дореволюционных времен25. В одном из донесений Г.И. Семенов сообщал: "Ввиду сложившихся у меня отношений с Савинковым, придавая некоторую важность его организации, я счел необходимым ознакомиться с положением дел в ней..." Далее излагались подробности их личной встречи в Варшаве и, в частности, тот факт, что Савинков, воодушевившись возможностями, которые обрисовал ему Семенов, поручил ему подготовку терактов против советских лидеров и даже дал на эти цели денег. Ознакомившись с этим донесением Семенова, Дзержинский счел его настолько важным, что начертал в левом верхнем углу документа: "т. Ленину. После прочтения прошу мне вернуть. Дзержинский". Другой экземпляр с аналогичной припиской был послан Троцкому26. Итак, спустя лишь несколько лет после ранения В.И. Ленину довелось ознакомиться с донесением, составленным, по официальной версии, главным организатором покушения на его жизнь, который, в отличие от Ф.Каплан, не только не был казнен, но теперь верой и правдой служил большевикам.

Из архивных документов Семенов предстает перед нами не как рядовой исполнитель заданий руководства, а как ценный сотрудник, которому были предоставлены широкие возможности для самостоятельной деятельности; как неординарный актер и конспиратор, человек, явно склонный к риску и авантюре. При чтении источников, в том числе составленных его рукой, бросается в глаза и достаточная образованность Семенова, и его аналитические способности, что заставляет пристальнее вглядеться в анкетные данные. Оказывается, он происходил из семьи дворян г. Юрьева, был сыном акцизного чиновника - коллежского советника и получил, как он сам писал в анкетах, домашнее образование в объеме среднего, что безусловно включало в себя основы владения иностранными языками. Действительно, Семенов указывал в анкетах, что говорит по-французски и по-немецки, знание языков он усовершенствовал во время эмиграции. Неплохое знание немецкого языка очень пригодилось ему впоследствии. Что же касается тайны покушения на Ленина, то, похоже, всю правду Г.И. Семенов, арестованный НКВД в 1937 г., сказал только на заседании Военной Коллегии Верховного суда. Но об этом речь впереди.

Уже в январе 1921 г. Семенов, продолжавший работу по линии военной разведки, был принят в РКП(б) без прохождения кандидатского стажа специальным решением Оргбюро ЦК партии, что, по-видимому, означало окончательное прощение его недавних "эсеровских грехов"27. Одновременно с получением партбилета он уже официально зачисляется штатным сотрудником Разведупра РККА. Особенно удивителен список рекомендующих Семенова в партию. Недавнему организатору покушения на Ленина рекомендации дали видные большевики А.С. Енукидзе (в то время секретарь Президиума ВЦИК), а также член Реввоенсовета Южного фронта и начальник ПУР РККА Л.П. Серебряков и секретарь ЦК РКП(б), член его Политбюро и Оргбюро Н.Н. Крестинский28. Часть из них знала Семенова по революционному времени, другие - как ценного агента военной разведки РККА.

В бывшем секретном архиве ЦК ВКП(б) сохранился оригинал заявления Г.И. Семенова от 18 января 1921 г. в ЦК РКП(б) о вступлении в партию. Необычность этого документа в том, что заявление это - "семейное", поскольку написано как от имени Г.И. Семенова, так и его жены, также в прошлом активной эсерки Натальи Богдановой. "Постепенно придя путем жизненного опыта к выводу о правильности основных программных и тактических позиций

РКП, - просим принять нас в число ея членов"29, - говорилось в лаконичном заявлении. Как удалось установить на основании архивных документов, к 1921 г. бывшая эсерка Наталья Богданова работала вместе с мужем в Разведывательном управлении Штаба РККА30.
Семенов, несомненно, любил женщин, которые, судя по всему, не только отвечали ему взаимностью в интимной жизни, но и часто становились верными "боевыми подругами". В 1920-1930-е гг. он был несколько раз женат, причем все жены являлись в прошлом членами партии эсеров, и имел немалое число романов. Интересно, что среди сердечных привязанностей Семенова, по его словам, одно время значилась Эсфирь Гурвич - вторая жена Н.И. Бухарина. К 1937 г. Семенов состоял в браке с Ф.Е. Сидановой.

"САМАЯ ОГОЛТЕЛАЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА ЭСЕРОВ" НА ПРОЦЕССЕ 1922 ГОДА

В начале 1920-х гг. Семенов получил новое задание - принять участие в нанесении решающего удара по вчерашним соратникам по партии эсеров. В соответствии с планами ВЧК-ГПУ, ему и Коноплевой, как наиболее авторитетным бывшим функционерам ПСР, отводилась роль главных "могильщиков" партии, все еще представлявшей несомненный источник опасности для большевиков в силу ее популярности и сохранявшейся значительной социальной поддержки внутри России. С этой целью Семенов, в частности, приступил к написанию книги "Военная и боевая работа социалистов-революционеров в 1917-1918 гг.", полной громких разоблачений и основанной прежде всего на личном, действительно весьма богатом, антибольшевистском прошлом автора.
Документально установленные нами факты работы Семенова в начале 1920-х гг. в Разведупре РККА и его тесного сотрудничества с ВЧК-ГПУ позволяют наконец уйти от предположений и подтвердить бесспорно заказной характер этой книги и провокаторскую роль, отведенную в данной ситуации самому Семенову. Не оставляет сомнений и то, что подготовленная в рекордно короткие сроки и вышедшая (для отвода глаз?) не в Москве, а в Берлине в феврале 1922 г. рукопись тщательно редактировалась (если не писалась на основании подробных данных Семенова) в недрах ВЧК-ГПУ. Внешне же дело было представлено таким образом, что эта книга - искреннее покаяние видного эсеровского боевика, самостоятельно раскаявшегося в прежних ошибках, о которых он пишет, и призывающего своих бывших товарищей тоже отказаться от борьбы с Советской властью. Насыщенная фактическим материалом, книга Семенова - в революционных кругах человека известного, авторитетного и безусловно компетентного в вопросах эсеровского террора - имела эффект разорвавшейся бомбы. Многое значили для усиления разброда в лагере эсеров, особенно рядовых членов партии, не только громкие разоблачения Семенова, но и его открытый переход на сторону Советской власти. А фактологическая сторона книги стала основанием и важным доказательным звеном в цепи обвинений против лидеров партии эсеров, выдвинутых ГПУ, руководители которого по-прежнему умело делали вид, что не имеют никакого отношения к Семенову. Тем не менее ясно, что "спектакль" на процессе был срежиссирован крайне профессионально.
Как видно из документов, в феврале 1922 г. - одновременно с выходом книги - Семенов временно освобождается от работы в Разведупре и направляется "в распоряжение ЦК партии". Ему предстоит целиком сосредоточиться на подготовке предстоящего суда над руководителями эсеров. Это, однако, была недоступная для посторонних глаз сторона подготовки процесса, который с этого момента все больше напоминал айсберг. Реконструкция его "подводной" и "надводной" частей со сведением их в единое целое - занятие одновременно и чрезвычайно сложное с эвристической точки зрения, и необыкновенно увлекательное.
План ГПУ осуществлялся методично, шаг за шагом. 28 февраля 1922 г., буквально вслед за выходом книги Семенова, "Известия ВЦИК" опубликовали информацию о состоявшемся

накануне заседании президиума ГПУ, на котором было решено предать открытому суду Верховного революционного трибунала арестованных лидеров эсеров. Характерно, что имя Семенова прямо называлось в этом документе. "ГПУ призывает гражданина Семенова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, но понявших ее преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров", - говорилось в газете. Еще ранее, в январе 1922 г., была распространена информация о том, что подруга Семенова Л.Коноплева написала покаянное заявление в ЦК РКП(б) и дала показания о своей антисоветской деятельности31. Таким образом, именно на Семенова и Коноплеву с самого начала делалась главная ставка. Отличные актеры, Семенов с Коноплевой на процессе над эсерами хорошо сыграли заранее отрепетированные роли. Пользуясь "персональным приглашением ГПУ", опубликованным в печати, Семенов и Коноплева приняли вызов и "бесстрашно" явились на следствие, где начали давать разоблачительные показания.
23 марта 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в присутствии Каменева, Сталина, Троцкого, Молотова, Калинина, а также Цюрупы и Рыкова по инициативе ГПУ (докладчик Уншлихт) рассматривался вопрос о подготовке процесса над эсерами. В результате было принято решение: "Назначить для фактического начала процесса с.-р. срок не позднее чем через месяц"32. Значит, все было уже почти готово и просчитаны наиболее благоприятные с внутренней и международной точки зрения сроки проведения первого в советской истории открытого судебного процесса.
Любопытно, что на этом же самом заседании Политбюро по инициативе ГПУ обсуждался и вопрос о том, как "укротить" опасный всплеск эмоций, который накануне процесса весьма некстати вызвала упоминавшаяся разоблачительная книга Семенова. Приложенная Уншлихтом к протоколу докладная записка ГПУ настолько красноречива с точки зрения заботы этой организации об обработке общественного мнения и необходимости внедрения в партийную среду новой большевистской морали, что этот документ достоин быть приведенным полностью:
"В связи с брошюрой тов. Семенова для ряда товарищей, имеющих общее с ним прошлое, а теперь находящихся в наших рядах или работающих фактически как коммунисты, создалось совершенно невыносимое положение. Как в среде, близкой к с.-р., так и в обывательской среде, неспособной понять всей глубины переживания этих товарищей, отношение к ним неизбежно выливается в самой омерзительной форме. Для мещанской психологии они являются авантюристами, убийцами, взломщиками, "темными личностями". Для психологии, связанной с с.-р. работой людей и для самих с.-р. они к тому же ренегаты, предатели и провокаторы.
Для ГПУ моральная чистота побуждений этих тт. вне сомнения, ГПУ, учитывая невыносимую обстановку, создавшуюся в жизни товарищей, считает необходимым, чтобы в партийной среде они нашли бы полное понимание и нравственную поддержку.
Между тем благодаря слабой осведомленности партийных масс, а также благодаря наличию в партии элементов с мещанской психологией уже были случаи, когда вместо поддержки товарищей они встречали такое же отношение, как во враждебной нам или в обывательской среде.
ГПУ просит ЦК РКП издать специальный циркуляр, разъясняющий обязанности членов партии - выходцев из других партий в отношении борьбы с контрреволюцией и дающий общие указания об отношении партии к роли Семенова, Коноплевой и др. ГПУ просит ЦК РКП применять в отношении мещански мыслящих элементов партии, проявляющих враждебное отношение к б. с.-р., принимающим участие в разоблачении партии с.-р., решительные меры. Зам. пред. ГПУ Уншлихт. 22 марта 1922 г."33
Таким образом, оглашенная на заседании Политбюро записка Уншлихта свидетельствовала, что разоблачительная книга Семенова и признания Коноплевой неожиданно привели к не совсем ожидаемому результату. По существу, им устроили такую обструкцию, что в дело вынуждено было негласно вмешиваться ГПУ как ведомство, крайне заинтересованное в их

услугах. Откровенная "сдача" Семеновым и Коноплевой своих бывших товарищей по партии эсеров была воспринята как действо крайне морально нечистоплотное и вызвала негативное отношение к этому предательству не только в эсеровской, но и в большевистской среде: тот, кто предает раз, может из-за собственной выгоды предать и еще. К тому же в 1922 г. четко выявилось, что более строгая в этом отношении революционная мораль, не знавшая разбивки по "партийным квартирам", входит в явное противоречие с новыми нравственными установками руководителей советского государства, по существу, ратовавших за то, что цель оправдывает средства. Уншлихт настаивал на принятии ЦК партии специальных мер по защите Семенова и Коноплевой, чтобы они, оказавшись, по существу, в положении изгоев, встретили понимание и моральную поддержку своим действиям хотя бы в партийной большевистской среде. Одновременно, конечно же, руководитель ГПУ был озабочен необходимостью создания соответствующего общественного мнения в пользу Семенова накануне предстоящего открытого судебного процесса. По данному вопросу Политбюро постановило:

"1. Поручить Оргбюро составить циркуляр, согласно предложению т. Уншлихта; 2. Поручить тт. Преображенскому и Ярославскому написать статьи относительно Семенова. О характере и тоне статей переговорить с т. Троцким"34.

В то самое время, когда члены Политбюро на закрытых заседаниях выражали крайнее беспокойство по поводу ситуации с Семеновым, Коноплевой и принимали секретные решения о создании им благоприятного имиджа в глазах членов партии, в том числе через прессу, другие видные большевики в своих открытых выступлениях продолжали без устали клеймить уже раскаявшихся "эсеровских террористов". Что это было: несогласованность и непосвященность или умело продуманная тактика, где каждый играл свою роль? Наиболее яркий пример такого рода - выступление Г.Зиновьева с докладом о деятельности Коминтерна на 11-м съезде РКП(б) весной 1922 г. В нем Зиновьев подробно остановился на реакции меньшевистских и эсеровских кругов эмиграции на готовящийся процесс над эсерами. В частности, он цитировал статью Л.Мартова во французском издании меньшевиков "Le Populair" о том, что "Коноплева находится в родственной связи с Семеновым, почему обесцениваются ее показания" на предварительном следствии (выделено авт.) В узкой партийной среде революционеров можно было утаить сотрудничество с охранкой (или, как выясняется, с военной разведкой РККА), но только не длительные сердечные привязанности. Поэтому свидетельству такого посвященного человека, как Л.Мартов, стоит доверять. Если он называет связь Семенова и Коноплевой родственной, то это явно больше, чем банальная любовная интрижка.

Отвечая же Мартову и другим сомневавшимся в объективности готовящегося судебного процесса, Зиновьев не нашел ничего лучшего, как тон нагнетания ненависти к подсудимым среди делегатов партсъезда. "Я думаю, товарищи, что нам надо хорошенько отметить в своей памяти и протоколах, что когда дело шло о группе определенных террористов, тех самых террористов, от руки которых т. Ленин до сих пор носит 2 пули в своей груди, от которых погибли Володарский и Урицкий, - когда дело шло о них, то Мартов находит, что это благородные люди, и целиком защищает их", - с негодованием бросил в зал партсъезда Зиновьев, назвав затем Семенова и Коноплеву "самой оголтелой террористической группой эсеров"35.

Между тем после окончания предварительного следствия летом 1922 г. в числе прочих обвиняемых Семенов и Коноплева предстали перед судом по процессу 34-х членов ЦК и активистов партии эсеров, обвинявшихся в антисоветской подрывной и террористической деятельности. Являясь формально одними из главных обвиняемых (организация покушений на Ленина, Володарского и др.), Семенов и Коноплева, как и на предварительном следствии, не только раскаялись, но и выступили основными свидетелями и разоблачителями деятельности эсеров с 1917 г. По сути дела, они вдвоем решили судьбу процесса, причем никто так никогда и не узнал, что оба - члены большевистской партии и штатные работники военной разведки. Не предполагал этого и писавший о процессе Д.А. Волкогонов. "Похоже,

еще в ходе процесса над эсерами в 1922 г. Г.И. Семенов сломался и согласился в обмен на жизнь (тюрьму) написать разоблачительную книжку о преступлениях эсеров", - читаем в его книге о Ленине вывод о поведении Г.И. Семенова на суде. Показательно, что разоблачитель большевизма и знаток советских тайн оказался только в этой фразе четырежды не прав. "Сломался" Семенов еще в 1919 г. и на процессе изначально выступал в роли провокатора; книгу написал раньше по заданию руководства; вышла она еще до процесса, а за успешное выполнение задания на процессе эсеров ему светила, как оказалось, вовсе не тюрьма, а комната в первом Доме Советов, предназначенном для новой советской номенклатурной элиты.

На процессе 1922 г. Семенов впервые познакомился с Н.И. Бухариным, который в числе прочих выступал в качестве официального защитника раскаявшейся группы эсеров и как незаурядная личность произвел на Семенова большое впечатление. Впрочем, их симпатия оказалась взаимной, а общение продолжилось после успешного окончания эсеровского процесса, в 1920-1930-е гг. "Бухарина Николая Ивановича я знаю с 1922 г., с момента процесса ЦК ПСР, когда Бухарин защищал меня и вторую группу подсудимых на этом процессе. С этого времени у меня с Бухариным установились хорошие взаимоотношения"36, - говорил позднее Семенов. При этом трудно себе представить, чтобы Бухарин, непосредственно причастный к подготовке процесса и так близко сошедшийся со своим подзащитным, ничего не знал о партийности и секретной работе Семенова и Коноплевой на военную разведку и, следовательно, об их истинной, провокаторской роли на суде. По-видимому, никакого морального дискомфорта это обстоятельство у Бухарина в 1922 г. не вызывало.

Тем не менее внешняя видимость законности на процессе эсеров была соблюдена. По приговору Ревтрибунала Семенов и Коноплева в числе прочих обвиняемых были приговорены к расстрелу, но решением Президиума ВЦИК вместе с другими раскаявшимися освобождены от наказания.

Несмотря на успешно выполненное задание и оправдательный приговор, в душе у Семенова после суда осталась какая-то пустота. Так как он полностью раскрылся как сторонник Советской власти, казалось, на его нелегальной деятельности можно было ставить крест. Для разведки он перестал представлять заметный интерес.

Процесс партии эсеров летом 1922 г. стал в биографии Семенова переломной точкой. На основании приказа РВС Республики он был уволен из РККА в бессрочный отпуск37. Закончился один этап жизни революционера-террориста, разведчика и провокатора, связанный с революцией и Гражданской войной, и должен был начинаться другой. Наступил НЭП, и Семенову нужно было искать "мирную" работу.

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ: ОРГАНИЗАТОР ПОКУШЕНИЯ В ПОИСКАХ СЕКРЕТА ЛАМПОЧКИ ИЛЬИЧА

Пока Учраспредотдел ЦК партии подыскивал Семенову новое место приложения сил, ему в соответствии с заслугами предоставляют комнату # 418 в элитном первом Доме Советов и вместе с женой Н.Богдановой отправляют после успешного выполнения секретного задания на процессе эсеров отдохнуть от суеты и нервотрепки в санаторий в Крым38. Вскоре по возвращении из Крыма, 16 ноября 1922 г., Семенов был направлен ЦК партии на работу в Главэлектро ВСНХ на должность инспектора при Начальнике Главэлектро А.З. Гольцмане. Сохранившееся в архиве направление подписано лично секретарем ЦК В.Молотовым39.

Почти семилетний стаж работы электромонтером до революции (в основном в период эмиграции во Франции и службы в армии), казалось, решил дальнейшую судьбу Семенова.

Инспекторская деятельность Семенова в Главэлектро в сентябре 1923 г. была неожиданно прервана новым назначением. В полученном Главэлектро из ЦК партии за подписью В.Молотова распоряжении от 7 сентября 1923 г. говорилось: "Немедленно, сегодня же, откомандируйте т.Семенова Г.И. в распоряжение ЦК РКП(б)"40.

Г.И. Семенов, вновь зачисленный в сентябре 1923 г. в штат Разведупра РККА, был привлечен к работе в новом, необычном для себя качестве. На сей раз ему была поручена организация секретной операции в области экономического шпионажа - по получению и переправке из Германии информации о технологии вольфрамового производства.
Немногим известно, что в то самое время, когда в соответствии с планом ГОЭЛРО задумывались проекты грандиозных электростанций, воодушевленные родители давали своим дочерям имя "Электрификация", а в стране был создан настоящий культ "лампочки Ильича" - зримого и материального прообраза светлого коммунистического завтра, - собственного производства электролампочек в Советской России к началу 1920-х гг. практически не существовало. Знаменитая "лампочка Ильича" на самом деле была немецкого или американского изготовления. На определенном этапе стало очевидным, что отсутствие собственной ламповой промышленности, а также полная зависимость имеющихся фабрик от импортных составляющих, и особенно вольфрамовой проволоки для нити накаливания электроламп, технологические секреты изготовления которой тщательно оберегались западными фирмами, абсолютно недопустимы и ставят под вопрос в конечном итоге выполнение плана ГОЭЛРО, воспринимавшегося как краеугольный камень создания советской индустрии. Экспериментальные работы в области вольфрама велись в малосильной Вольфрамовой лаборатории московского Кабельного завода, но с переменным успехом и крайне медленно41.
Параллельно с усилиями советских специалистов-химиков, продолжавших трудиться на Кабельном заводе, а также в помощь им была разработана операция по получению секретной технологической информации по вольфрамовому производству за границей - в Германии. Суть замысла была проста: выйти на квалифицированных немецких рабочих-коммунистов, трудившихся в вольфрамовых цехах предприятий и в силу этого имевших доступ к секретной технологической информации. Они должны были выполнить интернациональный долг, предоставив необходимые Советской стране сведения и образцы изделий.
Поиск разработчиков и руководителей операции привел высоко наверх советской элиты. Как видно из документов, к операции были непосредственно причастны руководители Главэлектро ВСНХ А.З. Гольцман, К.В. Уханов и Н.А. Булганин. Однако ее главным координатором выступил непосредственно Ф.Э. Дзержинский.
Еще в конце 1922 г. советская военная разведка по своим каналам через военный отдел компартии Германии связалась с квалифицированными берлинскими рабочими, функционерами КПГ Юлиусом Хофманом и Эмилем Дайбелем. Им было дано поручение: собирать на заводах AEG, на котором работал Хофман, и Osram, где трудился Дайбель, технологическую информацию по вольфраму. Передачу сведений планировалось осуществить в основном в форме секретной переписки, доставлявшейся из Берлина в Москву и обратно по каналам разведки и диппочтой. Тут-то и пригодилось Г.И. Семенову хорошее знание немецкого языка. Осенью 1923 г. для изучения ситуации на месте и налаживания связей он выехал по линии Разведупра в Берлин, где к тому же готовилось революционное выступление, в котором опыт военного организатора и боевика Семенова мог быть востребован.
Поездка Семенова практически совпала с революционными событиями октября 1923 г. в Германии, которые поставили ход только начавшей разворачиваться шпионской операции по вольфраму под угрозу.
Только к лету 1924 г. Семенову удалось, наконец, восстановить получение информации по вольфраму в необходимом объеме.
В дальнейшем налаженная Семеновым шпионская операция по передаче секретов вольфрамового производства успешно продолжалась уже без его участия, вплоть до 1927 г. Содержание секретной переписки становилось все более сложным технически, а знаний Семенова в электротехнике, да и в языке, явно не хватало. К тому же в основном бумажный характер работы мало соответствовал бурной натуре последнего. Семенов стал проситься на

другую работу. Ходатайствовало о его возвращении и Главэлектро. В ответ решением ЦК партии 31 июля 1924 г. Семенов был возвращен в распоряжение Главэлектро, где назначен на прежнюю должность.

ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ ЖИЗНИ:
ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

В 1927 г. опыт Семенова - боевика и военного организатора - вновь был в полной мере востребован советской военной разведкой. На сей раз его посылают в Китай, где после разрыва с Гоминданом Коминтерн предпринимал решительные попытки осуществить национальную революцию по советскому варианту. Наиболее рельефно это проявилось в Гуанчжоуском восстании декабря 1927 г. ("Кантонская коммуна"), в подготовке и осуществлении которого непосредственное участие принимал и Семенов. "В 1927 г. при активной поддержке Бухарина я был назначен советником Военной комиссии при ЦК Китайской компартии"42, - расскажет он позднее. Что касается роли Бухарина в этом назначении Семенова, то она остается доподлинно невыясненной, но весьма вероятной, если учесть их знакомство и влияние Бухарина, фактически руководившего Коминтерном, как и известную его особую личную заинтересованность в успешной революции в Китае. Из документов же со всей очевидностью следует, что с апреля 1927-го по январь 1928 г., то есть в период острой радикализации политики Коминтерна в Китае, когда активно развивалась линия на создание вооруженных сил КПК и вооруженную борьбу43, Семенов действительно находился в Китае в качестве военного советника. В начале 1928 г., после провала китайской революции и по возвращении в Москву он даже выступил с докладом о Кантонском восстании на расширенном заседании Президиума Коминтерна, специально посвященном причинам поражения "Кантонской коммуны", которая продержалась всего 3 дня. Сам факт выступления Семенова перед такой аудиторией свидетельствует о том, что в этих событиях в Китае он играл далеко не последнюю роль.
Деятельность Семенова в качестве военного советника, несмотря на общее поражение на том этапе революции в Китае, судя по всему, получила высокую оценку. Не случайно в 1928 г. Семенова не только перевели работать в центральный аппарат Разведупра, но и послали на повышение. До мая 1929 г. он служил в заметной должности помощника начальника 2-го (агентурного) отдела Разведупра. Этот пост, на котором он, правда, продержался недолго, формально оказался пиком служебной карьеры Семенова - разведчика. Все испортили его "политическая неблагонадежность" и "несдержанность" характера. Находясь под идейным и личным влиянием Бухарина, Семенов оказался в числе активных сторонников правой оппозиции, чего он и не скрывал. Нужно сказать, что он значился в числе партийных оппозиционеров и ранее, подписав, в частности, в 1927 г. т.н. "Платформу 83-х"44. "В конце 1928 г., не изжив еще эсеровских иллюзий, особенно по крестьянскому вопросу, и разделяя крестьянскую платформу правых, я вел активную борьбу с партией...", - признавался он позднее. В итоге, однако, в 1928 г. случилось то, чего он предположить никак не мог: за участие в оппозиции Семенов не только лишился работы в аппарате Разведупра, но и его партячейкой в апреле 1929 г. был исключен из партии. Судя по протоколу, главные обвинения в его адрес сводились к тому, что он "не изжил эсеровскую идеологию и проявляет колебания по основным вопросам политики партии..." В течение нескольких месяцев Семенов ведет непрерывную борьбу за восстановление в партии. Он безуспешно аппелирует в районную контрольную комиссию, затем во Фрунзенский РК партии, наконец, к парттройке МКК ВКП(б). И только последняя инстанция, учтя его прежние заслуги и выслушав 5 сентября 1929 г. уверения Семенова в "осознании ошибочности своих выступлений", "о полном согласии с решениями 16-й партконференции" и обязательство "в практической работе проводить линию партии", приняла решение оставить его в партии, ограничившись строгим выговором с предупреждением45.

Для того чтобы искупить вину и доказать реальным делом свою преданность партии, оказавшийся без работы Семенов пошел в ЦК и попросился именно на колхозную работу. По направлению Колхозцентра он попал в том же 1929 г. в Хоперский округ Нижне-Волжского края, где был назначен председателем крупного колхоза "Краснознаменец", состоящего примерно из 1 тыс. хозяйств и 24 тыс. га земли.
После выхода статьи Сталина "Головокружение от успехов", официально признающей ошибочными допущенные ранее перегибы в ходе коллективизации, Семенов "попался на удочку". На партконференции Хоперского округа он не удержался и, развивая выводы Сталина, выступил с критикой предшествующей политики партии в области коллективизации, реабилитируя тем самым точку зрения правых. Это выступление было вновь квалифицировано как правый уклон, после чего Семенов в середине 1930 г. был снят с колхозной работы и вернулся в Москву. Так закончилась полным провалом история с его "искренним покаянием" в политических ошибках, которая показала, что в глубине души Семенов не изменил своим взглядам.
Как выяснилось позднее, эта история с "проработкой" Семенова в 1930 г. по партийной линии на краевом уровне за крамольное выступление на партконференции с последующим снятием его с должности председателя колхоза получила в то время большой общественный резонанс в партийной среде Нижневолжья. При этом, как часто бывает, ситуация быстро обрастала слухами и предположениями, чему в немалой степени способствовало необычное прошлое Семенова. Отголоском его громкого дела стало письмо, написанное спустя более чем 30 лет (!) после описываемых событий, в начале 1960-х гг., членом КПСС с 1917 г. М.М. Якушевым на имя Н.С. Хрущева46. Старый партиец сообщал своему партийному секретарю о поразившем его случае, связанном с неким Семеновым, о котором ему поведал в 1930 г. член Урюпинской (на самом деле, по-видимому, Хоперской. - прим. авт.) контрольной комиссии ВКП(б), фамилию которого Якушев к тому времени забыл. Тот рассказал Якушеву следующую историю об удивительных обстоятельствах исключения, а затем восстановления Семенова в партии. В 1929 г. Семенов якобы был исключен из партии во время чистки заочно "как активный эсер и участник заговора о покушении на В.И. Ленина". Узнав об этом, он вспылил, явился на заседание комиссии и "рассказал, что он участвовал в заседании ЦК эсеров, на котором был решен вопрос о покушении на В.И. Ленина, затем пришел в ЦК КПСС, сообщил о решении ЦК эсеров о подготовке убийства В.И. Ленина и подал заявление о принятии его в члены КПСС"47. Далее, писал Якушев Хрущеву, события развивались и вовсе неожиданным образом: "по телеграмме Сталина проверком в 1929 г. восстановил Семенова в рядах партии".
Это натолкнуло Якушева на мысль: "по-видимому, Сталин знал о готовящемся покушении на В.И. Ленина, но охрана его жизни организована не была"48. Таким образом, Якушев в начале 1960-х гг.. по существу, вновь поднимал вопрос о беспристрастном исследовании всех обстоятельств ранения Ленина в 1918 г., для чего предлагал разыскать Семенова. Исходя из реконструированных выше фактов биографии последнего, мы можем теперь с документами в руках критически оценить версию Якушева, не только отделив правду от полуправды и явного вымысла, но и изучив "социологию слуха": указав, в частности, в каком именно направлении, в какой период времени, в какой социальной среде, под влиянием каких факторов и почему произошли данные информационные трансформации. Особенно характерна выявившаяся связь биографии Семенова с появлением в 1930-е гг. слухов о причастности Сталина к покушению на Ленина в 1918 г., казалось, находящих дополнительное подтверждение после разоблачения Хрущевым культа личности.
Показательно, что высшие партийные инстанции в 1960-е гг. со всей серьезностью отнеслись к сообщению коммуниста Якушева. Дело расследовал инструктор КПК при ЦК КПСС Бышов, специально выезжавший "по местам колхозной славы Семенова" 1929-1930 гг. На основании архивных материалов он идентифицировал "некоего Семенова" с Г.И. Семеновым, но никакой сенсационной телеграммы Сталина в его защиту в Волгоградском партархиве, конечно же, не нашел49. Ее попросту и не было: вряд ли бы Сталин лично снизошел до

Семенова, да и не было такой крайней необходимости. Зато имеется то, что способно объяснить источник слуха о телеграмме, - партийное дело на Семенова в РГАСПИ, свидетельствующее, что, начиная с 1921 г. и вплоть до 1937 г. он относился к номенклатуре ЦК партии[50]. Показательна в этом отношении и справка ГУК Министерства обороны СССР от 1961 г. о прохождении Г.И. Семеновым воинской службы: все годы, что он не служил непосредственно в разведке, включая 1929-1930 гг., Семенов официально числился "в распоряжении ЦК ВКП(б)"[51]. Это безусловно значило, в частности, что без ведома и одобрения ЦК вопрос об его исключении из партии действительно не мог быть решен, тем более на уровне Хоперской контрольной комиссии, что и было, видимо, объявлено ее членам без объяснения причин по существу. О прежних особых заслугах Семенова, в том числе на процессе эсеров 1922 г., в то время в ЦК еще хорошо помнили. Защита же вышестоящими партийными инстанциями Семенова, участвовавшего в покушении на Ленина, была настолько удивительным событием для Нижневолжской партийной глубинки времени "великого перелома", что у людей невольно возникало предположение: такое мог позволить себе лишь "сам". Отсюда и родился в партийной среде слух о заступничестве Сталина.

В конце 1930 г. Семенов вернулся из Нижневолжья в Москву в крайне подавленном настроении, особенно из-за становящихся перманентными проверок и партийных расследований относительно его эсеровского прошлого. Происходящий в стране "великий перелом", вызвавший и явные перемены в общественном сознании и психологии общества, привел людей типа Семенова к полной дезориентации. Под ним буквально уходила почва из-под ног. Менялись жизненные принципы и знакомые "правила игры", но если бы знать, каковы они будут завтра. То, что вчера поощрялось - сегодня преследовалось, вчерашние кумиры вроде Бухарина попадали в опалу. Самым удобным образом жизни становился конформизм. Но каждый ли может заставить себя "не высовываться" и просто "плыть по течению"?

Семенов попробовал. Вслед за возвращением в середине 1930 г. несостоявшегося колхозного председателя в Москву начинается целая череда "перелетов" Семенова с работы на работу, с одной должности на другую. Каждый раз он устраивался с помощью влиятельных знакомых (например, в МК партии в начале 30-х гг. ему содействовали в этом Г.М. Ратнер и Г.Н. Каминский), и каждый раз его богатая биография вкупе с разрисованным выговорами партбилетом рождала, мягко говоря, настороженное отношение к такому человеку в коллективе. Откровения же относительно покушения на Ленина становились просто опасны. Нередко местные руководители и не скрывали, что хотели бы, от греха подальше, от Семенова избавиться. Да и сам он, явно не приспособленный к тихой, размеренной жизни и работе, тяготился ею, а потому долго не задерживался на одном месте, пытаясь найти для себя что-то более подходящее.

то-то более подходящее.

Тем не менее Семенов решает все бросить и вновь вернуться в Москву. Обычная хозяйственная работа уже давно не приносит ему никакого удовлетворения. Его постоянно тянет, как он откровенно рассказывал позднее, на одном из допросов в 1937 г., "на любимую работу"[52], поскольку без риска, авантюры, опасности он не мыслит своей жизни. Другой очевидной причиной стремления Семенова вернуться в разведку становится его явное желание отгородиться от настоящего: от постоянных вопросов о прошлом и подозрений, начинающих буквально преследовать его "на гражданке", от необходимости оправдываться, да так, чтобы не сказать лишнего, например, о работе в разведке. Жизнь же профессионального разведчика - во многом "виртуальная", в своем тесном мирке, со своими ясными для Семенова принципами и кодексом поведения - казалась совсем иной. Поэтому, прибыв в марте 1935 г. из Ленинграда в столицу, Семенов, используя старые связи, сделал все, чтобы восстановиться на работе в разведке. Он явился к зам. начальника 2-го отдела Разведупра В.В. Давыдову и предложил свои услуги в любом рискованном мероприятии. Были у него и свои задумки. Семенов, в частности, как он сам рассказывал, "вызвался возглавить группу инструкторов - специалистов по всем областям военного искусства и

техники и перебросить ее на самолетах или на верблюдах через пустыню Гоби на помощь Китайской Красной Армии"53. Идея была почти фантастическая, зато как раз в духе Семенова. Тем не менее руководству в принципе она понравилась. Согласно официальной справке, он добивается своего: в апреле 1935 г. Семенова вновь зачисляют в штат Разведупра54, и после доклада только что назначенному начальнику Разведупра Урицкому он вплотную приступает к подготовке экспедиции через пустыню Гоби. Подготовка экспедиции Семенова осенью 1935 г. была в основном завершена, ее отложили, официально - из-за "изменения политической обстановки". Вместо этого разведчика Семенова, которому только что приказом #2412 от 23 ноября 1935 г. было присвоено высокое звание бригадного комиссара55, в конце 1935 - начале 1936 гг. посылают в Монголию с более частным заданием, и в мае 1936 г. он был отозван в Москву. Здесь его ждала последняя разведкомандировка - в республиканскую Испанию.
После соответствующей подготовки в ноябре 1936 г. Семенов едет в Париж, а оттуда в Барселону. Перед ним наконец была поставлена задача, соответствующая основному профилю его военной специализации. Судя по документам советской разведки, ему надлежало "пробраться в тыл мятежников и ликвидировать некоторых руководителей фашистского движения"56. Речь, таким образом, шла именно о востребовании богатого опыта Семенова в области индивидуального террора. Начал же он, к удивлению московского начальства, ждавшего от него немедленных действий по уничтожению приближенных Франко, совсем с другого. Ознакомившись с обстановкой на месте и пообщавшись с местной резидентурой Разведупра, Семенов пришел к выводу, что для пользы дела необходимо срочно приступить к развертыванию партизанского движения в тылу врага. "По прибытии в Испанию Семенов, с санкции нашего резидента, в корне изменил полученное задание и занялся организацией массового партизанского движения в провинции Эстремадура. С этой целью он ездил в Барселону, Мадрид и Валенсию, подбирая людей для будущих партизанских отрядов, оружие, средства и т.д."57, - сообщал руководству о первых месяцах деятельности Семенова в Испании высокопоставленный сотрудник Разведупра бригадный комиссар Салнынь. Семенову удалось поработать в Испании всего несколько месяцев. В конце января 1937 г. он был неожиданно отозван в Москву, как он думал, для расследования обстоятельств гибели своего помощника. 11 февраля сразу же, как только сошел с поезда, Семенов был арестован сотрудниками НКВД, по официальной версии, "ввиду его неприглядного прошлого"58. Так в четвертый раз Семенов попал в советскую тюрьму.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЗНАНИЕ

В следственном деле Семенова сохранились протоколы его личного обыска и обыска его квартиры со списком изъятых вещей59, позволяющие восстановить некоторые бытовые подробности жизни разведчика. Так, во время ареста на вокзале у возвращающегося из Испании Семенова нашли большую сумму денег в иностранной валюте, причем американских долларов оказалось куда больше, чем испанских песет (699 долларов и 350 песет). Такое соотношение, а также то, что иной валюты с ним не было, позволяет предположить, что в Испании Семенов мог действовать под видом и по документам американского гражданина.
Во время обыска в его московской квартире 11 февраля 1937 г. в качестве свидетеля присутствовала домработница Семеновых. Если учесть, что семья состояла всего из двух человек: самого Семенова, к тому же постоянно находившегося в разъездах, и его жены Фаины Елиазаровны, то станет ясно и то, что Семеновы материально не нуждались, и то, что домработница, по-видимому, была привычным "атрибутом" жизни этой семьи, в которой оба супруга были по происхождению из дворян.
При обыске был изъят пистолет с патронами и пишущая машинка с иностранным шрифтом - вещь в 1930-е гг. довольно редкая, неопровержимо свидетельствующая о знании владельцами иностранных языков и регулярном использовании этих знаний для переписки или

составления документов. Среди многочисленных "корочек" в квартире Семенова были обнаружены паспорт, военный и профсоюзный билет, пропуск Разведупра #279 и т.д. А вот партбилета в квартире не оказалось - перед отъездом в за границу Семенов сдал свой партбилет старого образца (1926 г.) на хранение в секретариат начальника Разведупра, а новый билет получить так и не успел60. Во время обыска в его квартире обнаружили и изъяли большое количество переписки, автобиографии, а также дневник Семенова, который, если бы сохранился, мог бы многое поведать об этом человеке. Тем не менее сам факт ведения дневниковых записей является яркой характеристикой личности Семенова. Среди фотографий в его квартире следователи нашли то, что больше всего искали, - доказательство близости к Н.И. Бухарину. На двух снимках Семенов и Бухарин были сфотографированы вместе.

Семенов был обвинен в активном участии в "контрреволюционной организации правых". Уже в первом документе следствия - справке на арест Семенова - фигурируют показания Е.Цетлина от 14 декабря 1936 г. о том, что в начале 1930-х гг. якобы Бухарин дал задание Семенову подобрать людей из числа бывших эсеров-боевиков и организовать покушение на Сталина, Кагановича и других руководителей. "Личные качества Семенова как опытного боевика-организатора особенно высоко оценивались центром нашей организации, и в первую очередь Бухариным, который был наиболее близок с ним..."61, - утверждал, в частности, Цетлин. Именно его показания стали основанием для ареста Семенова и привлечения его в качестве важного действующего лица к инспирированному НКВД процессу бухаринского центра.

Первый допрос Семенова состоялся 23 февраля 1937 г. Он подробно и откровенно рассказал о всех фактах своей непростой биографии. Относительно обстоятельств покушения на Ленина он подтвердил, что "при его непосредственном участии и руководстве" членами его боевой организации Сергеевым и Каплан в 1918 г. был убит Володарский и ранен Ленин. Не стал он скрывать, что одно время действительно разделял идеи правых, но ни в какой контрреволюционной организации не состоял, а тем более не готовил терактов по заданиям Бухарина. С Цетлиным же познакомился в 1927 г., но встречал его случайно и крайне редко. Категорически отрицал Семенов свою вину и на следующем допросе 13 марта 1937 г.62

Вслед за "неудачным" началом следствие берет тайм-аут и после более основательной подготовки 4 июня 1937 г. преподносит Семенову "сюрприз" - очную ставку с "раскаявшимся боевиком" Константином Усовым - бывшим товарищем Семенова по эсеровской боевой организации 1918 г. К ужасу Семенова, не похожий на себя Усов вошел в комнату и выдавил из себя, что сам состоит и знает Семенова как руководителя боевой организации правых, готовившей в 1930-е гг. теракты против Сталина и др. Этого Семенов не выдержал. Как видно из акта об очной ставке (подписать протокол Семенов категорически отказался), в ответ на признание Усова он разразился бранью и "начал оскорблять следователей". "Вы Усова замучили угрозами, смотрите, на кого он похож, и поэтому дает показания"63, - записал следователь смысл сказанного Семеновым в форме непечатных ругательств. После этого Семенов отказался отвечать на вопросы, и очная ставка была прервана.

Нет сомнения, что своим поведением Семенов взбесил следователей. В результате последующие 10 дней превратились для него в сплошной ад. В качестве наказания его отправили на 5 дней в карцер. Одновременно к нему были применены физические и психологические меры воздействия, чтобы побудить дать признательные показания. Впоследствии руководивший расследованием дела Семенова сотрудник 4-го Отдела НКВД М.Л. Гатов в феврале 1939 г. был осужден за фальсификацию следственных дел, а в 1956 г. в ходе дополнительного расследования открылись новые вопиющие факты применения им незаконных методов ведения следствия64.

Судя по документам, даже такой опытный и мужественный человек, как Семенов, не выдержал пыток. 15 июня 1937 г. он пишет заявление на имя руководителя НКВД Н.И. Ежова. "В течение четырех месяцев я упорно отрицал свое участие в организованной контрреволюционной террористической деятельности..."65, - начинал Семенов свое

покаянное письмо с обещанием дать обо всем подробные показания. Далее все пошло как по маслу. Протоколы его допросов от 26 июня и 4 июля 1937 г. фиксируют обилие фактов и имен, едва прикрытых завесой правдоподобности66. Зато "выбитые" у Семенова показания соответствовали показаниям других обвиняемых. Находившийся в тюрьме Семенов не мог знать, что сам Бухарин на допросе 14 июня 1937 г., то есть еще до того, как Семенов окончательно "сломался", выдал его. Он, в частности, показал о деятельности якобы руководимой им контрреволюционной организации правых в начале 1930-х гг.: "С эсерами связи были в моих руках. Они шли, с одной стороны, через Семенова на местных эсеров и через Членова на ЦК эсеров в Париже"67. Следователи тут же потребовали у Семенова список членов его террористической группы. Он назвал 7 человек - в основном все бывшие эсеры-боевики, оправданные на процессе 1922 г.
7 октября 1937 г. Семенов получил копию обвинительного заключения, где он обвинялся сразу по нескольким статьям УК РСФСР, а на следующий день его дело слушалось на закрытом заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Как видно из протокола, заседание было коротким - с 20.45 до 21.15, то есть длилось всего тридцать минут. Тем не менее, видимо, именно здесь Семенов поставил окончательную точку под вопросом о своей роли в покушении на Ленина. После оглашения обвинительного заключения наступил самый ответственный момент. Семенов понял, что решается вопрос его жизни и смерти. Он встал и заявил, что "виновным себя не признает, что он показания на предварительном следствии дал ложные"68. Семенов уточнил, что признает за собой только следующее. "В свое время он был руководителем боевой организации при ЦК ПСР и организовал покушение на убийство Ленина и, кроме того, организовал убийство Володарского", - зафиксировал документ слова Семенова. Он признался, что с конца 1928 г. действительно был на идейных позициях правых, все же остальные показания относительно участия в контрреволюционной организации Бухарина им выдуманы под нажимом следствия. "Он утверждает, что в последнее время он активным участником какой-либо контрреволюционной организации, боровшейся с Советской властью и Правительством, не был"69, - говорится в протоколе заседания.
Трудно представить, чтобы, отказываясь от ложных показаний, "выбитых" из него на предварительном следствии, Семенов мог наговаривать на себя относительно роли организатора покушения на Ленина, тем более в такой критической ситуации. Да и сама логика этого заседания Военной Коллегии Верховного Суда говорит за то, что в глаза смерти он все же сказал чистую правду. Таким образом, можно считать окончательно установленным, что убийство Володарского и покушение на Ленина в 1918 г. были подготовлены именно группой эсеров-боевиков во главе с Семеновым. Это означает, что все остальные существующие версии, в том числе и об инсценировке покушения на Ленина самими большевиками с целью оправдания "красного террора", следует со всей убедительностью признать несостоятельными.
8 октября 1937 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР под председательством Ульриха приговорила Семенова к расстрелу. Как видно из архивной справки, приговор был приведен в исполнение немедленно70. n
Примечания
1. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.80 об.
2. Об этом Семенов упоминает во время партийной чистки в 1933 г. Копию протокола см.: ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.316-317.
3. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.326.
4. Там же.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.80.
6. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.308.
7. См.: Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. - М.,1989. С.415-416.
8. РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.1959. Л.84; Оп.112. Д.116. Л.80-80об.

9. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1978.С.206-217; 11-й съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.,1961. С.848.
10. См.: Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М.,1994, С. 397
11. Там же. С.403.
12. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.309; РГАЭ. Ф.3429. Оп.22. Д.83. Л.158 об.
13. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.311.
14. Формально подчинявшиеся Наркомвоену, органы военного контроля в 1918 г. на практике действовали в основном совместно с фронтовыми и армейскими ЧК по борьбе с контрреволюцией, а с января 1919 г. они были объединены с ними в особые отделы ВЧК. Таким образом, попав вначале в руки следователей из военной контрразведки, Семенов в итоге оказался в ведении ВЧК.
15. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.80об.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.309,326.
17 .О том, что Семенов не давал в тюрьме никаких письменных обязательств, а значит, был освобожден не по амнистии 1919 г., дополнительно свидетельствует сам факт его привлечения к суду по процессу 1922 г. Те, кто был уже амнистирован ранее, к суду вообще не привлекались.
18. РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.1959. Л.84.
19. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.340.
20. Партия социалистов-революционеров, по оценке ее руководителей, примерно до начала 1919 г. сохраняла единство и продолжала быть действенной и влиятельной политической силой. Во время наступления Деникина в партии произошел раскол, в результате которого выделилось меньшинство ПСР (так называемая группа Вольского), которое по целому ряду позиций поддержало большевиков, а по другим вопросам выступило в качестве их "конструктивных критиков".
21. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.80-80об.
22. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.309.
23. Народ. 1921. Январь. #6(1). С.28.
24. Народ. 1921. Январь. #6(1). С.12.
25. С конца 1918 г. Б.В.Савинков находился за границей - сначала как представитель Колчака, добывая оружие и снаряжение, затем во время советско-польской войны 1920 г. как председатель белоэмигрантского "Русского политического комитета" (впоследствии- "Русский эвакуационный комитет". С конца 1920 г. после окончания польской войны происходит смена акцентов в методах борьбы с большевистским режимом. Вновь, как и в 1918 г., особое внимание было обращено на подготовку террористических актов против советских лидеров, а также диверсий для дезорганизации жизни внутри Советской России (См.: Голинков Д.Л. Указ.соч. Т.2. С.69-70, 127-132). Информацию об этих готовящихся вооруженных акциях и добывал Г.И.Семенов.
26. РГАСПИ. Ф.76. Оп.3. Д.226. Л.6.
27. Протокол #89, п.42 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 21 января 1921 г. -РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.5.
28. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.20.
29. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.116. Л.79.
30. Там же. Л.81.
31. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.285. Л.3.
32. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.285. Л.3,7.
33. Там же. Л.7.
34. Там же. Л.3.
35. Цит. по кн.: 11-й съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1961. С.225-226.
36. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.21.
37. Приказ РВС #2404/453 от 1922 г. - РГАЭ. Ф.3429. Оп.22. Д.83. Л.158.

38. О качестве и уровне предоставленного Семенову жилья, а значит, и о признании важности его заслуг и негласном "ранге", говорит не только сам факт предоставления комнаты в элитном доме, но и то, например, что после Семенова, уехавшего в длительную командировку, в эту самую комнату #418 был вселен член ЦК РКП(б) Д.Е.Сулимов. - См.: РГАЭ. Ф.3429. Оп.22. Д.83. Л.180.
39. РГАЭ. Ф.3429. Оп.22. Д.83. Л.160.
40. РГАЭ. Ф.3429. Оп.22. Д.83. Л.185.
41. Подробнее о работе по созданию "советского вольфрама" см.: Белькинд Л.Д. Русская электрическая лампа накаливания. М.-Л., 1926; Ламан Н.К. и Кречетникова Ю.И. История завода "Электропровод". М., 1967; Мальков Л. и Зарубин Н. Вольфрам и производство вольфрамовой проволоки. М.-Л., 1932; Гамбаров А. Советская электролампа. М.-Л.,1932.
42. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.94-95.
43. Из последних обобщающих работ см.: Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919-1929. М.,1999. С.296-347. В книге имеется обширная библиография.
44. РГАСПИ. Ф.17. Оп.71. Д.15. Л.137.
45. РГАСПИ. Ф.589. Оп.3. Д.10910. Л.179. Выписку из протокола #111 заседания Парттройки МКК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. см.: ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.346.
46. РГАСПИ. Ф.589. Оп.3. Д.10910. Л.203.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же. Л.201-202.
50. РГАСПИ. Ф.589. Оп.3. Д.10910.
51. Там же. Л.171.
52. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.82.
53. РГАСПИ. Ф.589. Оп.3. Д.10910. Л.171.
54. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.87.
55. Там же. Л.342.
56. Там же. Л.342.
57. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.89, 342.
58. Там же. Л.89, 342.
59. Там же. Л.4-5, 11-15.
60. Выписка из протокола Партколлегии КПК ЦК ВКП(б) #2131 от 15.7.1937 г.- ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. С.298.
61. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. С.1-2.
62. Там же. Л.19-56.
63. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.57.
64. Там же. Л.348.
65. Там же. Л.62-62 об.
66. Там же. Л.63-96.
67. Там же. Л.264.
68. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело Р-24629. Л.302-304.
69. Там же. Л.305.
70. Там же. Л.306. Г.И.Семенов был реабилитирован посмертно в 1961 г.

КАК ЧЕКИСТЫ ОБЕЗВРЕДИЛИ ШУРКУ

АРХИВ: ЕДИНИЦА ХРАНЕНИЯ

Восемьдесят лет назад, в августе 1922 года, в Колонном зале Дома Союзов завершился судебный процесс над политическими оппонентами большевиков – социалистами-революционерами. Этот процесс был частью широкой кампании по борьбе с инакомыслием, закончившейся на том этапе изгнанием из России лучших умов на «философском пароходе», расстрелом митрополита Петроградского Вениамина и созданием Соловецкого лагеря особого назначения.

Одной из 12 подсудимых на процессе эсеров, которым был вынесен смертный приговор, была мать троих детей 35-летняя Евгения Ратнер. Член партии эсеров с 1903 года, она отчаянно боролась с самодержавием, помогая сначала бомбистам, а затем – на баррикадах Красной Пресни. Блестящая выпускница Цюрихского университета до революции отбыла пятилетнее заключение в крепости. В 1917 году она была избрана в ЦК партии эсеров и возглавила его московское бюро. Спустя два года была арестована чекистами и с этого момента уже не вылезала из тюрем и ссылок. В своем «открытом письме» бывшему соратнику по революционной борьбе Ратнер упоминает зверское избиение политзаключенных в Бутырке в апреле 1921 года в связи с тем, что шеф ВЧК распорядился разбросать арестованных эсеров, социал-демократов и анархистов по провинциальным тюрьмам.

Первый показательный процесс над такой же левой социалистической (но не марксистской, а门 народнической) партией закончился беспрецедентными приговорами. По злой иронии истории председательствующий на процессе Пятаков, государственный обвинитель Крыленко и главный «идеолог» антиэсеровской компании Бухарин впоследствии сами смогли вплотную познакомиться с лубянскими нравами. После ряда изнурительных голодовок и протестов российской и мировой общественности (в том числе М. Горького) расстрельный приговор осужденным эсерам временно был приостановлен. Ратнер и ее товарищи стали заложниками, и вследствие этого эсеры не решились снова браться за бомбы. Преемники Дзержинского потом доделали начатое им дело и привели приговор в исполнение.

Публикуемый документ был обнаружен научной сотрудницей общества «Мемориал» Ириной Осиповой в материалах политического Красного Креста, хранящихся в Государственном архиве РФ (ГАРФ, ф. 8419, оп. 1, д. 8, л. 54).

Ярослав ЛЕОНТЬЕВ

Письмо Ф.Э. Дзержинскому о нем и детях политических противников (от 10 мая 1921 года)

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Гражданин Дзержинский.

Назначая Вас председателем всех учреждений по охране детей в России, Советское Правительство так усердно рекламирует в своей прессе Ваше «золотое сердце», что даже в сердцах людей, наиболее критически относящихся к этому роду литературы, могла явиться тень сомнения. Правда, Ваш трехлетний педагогический стаж в качестве Председателя В.Ч.К., казалось бы, достаточно предопределял пути и методы на подрастающее поколение, но предполагать, что все они будут целиком применяться к гражданам самого младшего возраста, решился бы далеко не всякий.

Вот почему я считаю своим долгом в качестве иллюстрации, рассеивающей на этот счет всякие сомнения, привести несколько фактов из жизни одного ребенка, уже много месяцев имеющего счастье находиться на Вашем попечении. Это мой трехлетний сын Шура, содержащийся вместе со мной в Бутырской тюрьме. Счастье, выпавшее на его долю, действительно, велико. Других детей в его положении Вы силой отнимаете у арестованных матерей и помещаете в советские воспитательные учреждения с большим риском попасть на фабрику ангелов — одна из немногочисленных отраслей советского производства, процветающая не в пример прочим.

В Бутырках Шура благоденствовал вместе с другими членами с.р.-овского общежития. Но трудность положения правительства растет. Отечество – в опасности, и интересы коммунистической политики властно требуют принятия по отношению к Шуре самых строгих репрессивных мер. С этой целью вначале предполагается отправить Шуру в один из провинциальных каторжных централов, дабы лишить его возможности вредного воздействия на внешний мир. В одну прекрасную ночь вооруженные до зубов чекисты наводняют помещения тюрьмы, вытаскивают силой чуть ли не с постелей полураздетых женщин, толкают, бьют, тащут за руки и за ноги по железным и каменным лестницам, неизвестно куда, неизвестно зачем. Врываются и в нашу камеру, набрасываются на перепуганного, кричащего недетским криком ребенка.

Потом оказывается, что Ц.К. партии С.Р. оставляют в Москве, и Шурка остается в опустевших Бутырках. Но вольности, которыми он пользовался до сих пор в пределах Бутырского двора, слшком подрывают основы. И Шурку обезвреживают. С этой целью его выпускают на прогулку только на один час в день и уже не на большой тюремный двор, где растет десятка два деревьев и куда заглядывает солнце, а на узкий темный дворик, предназначенный для одиночек.

Запираются двери не только коридора, но и его одиночки, хотя корпус почти пуст и достаточное количество замков отделяет и так Шурку от воли.

Коммунистическая комендатура так усердно празднует праздники Св. Пасхи, что даже на второй день ее отказывает в свидании приехавшим в первый раз за всю зиму из деревни братишке и сестренке, гражданам не менее опасного возраста. Дети ждут 2 часа и плачут у ворот, Шурка плачет в тюрьме, правительство Р.К.П. торжествует.

Должно быть, в целях физического обессиления врага помощник коменданта Ермилов отказался принять Шурке даже принесенное с воли молоко. Для других он передачи принял. Но ведь то были спекулянты и бандиты, люди гораздо менее опасные, чем С.Р. Шурка.

Не вспоминаются ли Вам, гражданин Дзержинский, кошмарные картины царской каторги в тех же бутырских стенах? А ведь и тогда камеры детей не запирались, они пользовались льготными прогулками, им всегда принимались передачи.

Итак, Ваш первый воспитательный опыт удался. Шурка сидит под замком и смирился. Надеюсь, что эта педагогическая система, примененная ко всем детям Р.С.Ф.С.Р., даст не менее блестящие результаты. Жалею лишь, что положение печати в России лишает меня возможности достаточно рекламировать этот поучительный опыт, но не сомневаюсь, что история вполне вознаградит меня за это.

Евгения РАТНЕР
Бутырки, 10 мая 21 г.»

"Новая Газета"
19.09.2002